

Глава 77: Угрюмый и властный альфа-босс и послушный, нежный омега (часть 27)

Голос парня был не слишком громким, но в пустой и тихой уборной каждое слово отчетливо отдавалось от кафельных стен. Трое присутствующих услышали его яснее ясного.

Цзян Лоло на мгновение замер, а затем стремительно опустил голову. Его плечи мелко задрожали от едва сдерживаемого смеха.

Хо Цзэдун тоже впал в ступор.

Да, он был старше своего сокровища на добрый десяток лет, и ему уже перевалило за тридцать, но он всегда был в отличной форме, следил за собой и регулярно тренировался. Никто и никогда не смел называть его старым!

И уж точно это был первый раз, когда кто-то прямо в лицо назвал его «дядюшкой» собственного омеги!

Лицо Хо Цзэдуна мгновенно потемнело. Он бросил на не соображающего, что творит, юнца тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей. Слова срывались с его губ подобно ледяному крошеву:

— Что ты сейчас сказал?

— Ой, простите, дяденька! — тут же спохватился парень с лонгбордом под мышкой. — Я просто принял вас за дядю этого студента... Вы просто потрясающе выглядите для своих лет, так молодо! Да и не похожи вы совсем, вот я и не подумал...

С каждой новой фразой Хо Цзэдун чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение.

А парень, не замечая опасности, продолжал:

— Сразу видно — яблоко от яблони! Раз этот парень такой красавчик, то и вы, как отец, обязаны держать марку...

Кулаки Хо Цзэдуна сжались с отчетливым хрустом.

За последние годы он уже и забыл, когда в последний раз испытывал такое острое, почти непреодолимое желание кому-нибудь врезать. Его тонкие губы плотно сжались, в глазах застыла ледяная ярость.

Маленький омега, вдоволь насмеявшись, наконец повернулся, покусывая губы, чтобы снова не

прыснуть. Он быстро подошел к мужу, обхватил его за руку и послушно заглянул в глаза:

— Пойдем, муженёк...

Тень гнева на лице Хо Цзэдуна чуть рассеялась.

На этот раз пришел черед удивляться парню с доской. Потрясающе красивый омега одарил его мимолетной улыбкой и, нежно прижимаясь к спутнику, увлек его за собой.

Они пересекли залитый мягким светом ресторан. Под ногами на полу дрожали их тени, пока они шли под звуки тягучей музыки.

Маленький омега весело раскачивал руку Хо Цзэдуна. Видимо, снова вспомнив диалог с незадачливым скейтером, он не выдержал и звонко рассмеялся, вздрагивая всем телом.

Взгляд Хо Цзэдуна стал совсем неопределенным.

Уже в машине Лоло, перегнувшись через подлокотник, улегся головой на колени мужа и прошептал:

— Муженёк...

Хо Цзэдун мельком глянул на него, а затем внезапно подхватил юношу и усадил к себе на бедра, заставляя смотреть прямо в лицо.

— Я что, действительно такой старый?

Омега серьезно покачал головой:

— Совсем нет...

Хо Цзэдун пристально вглядывался в глаза Лоло, пытаясь рассмотреть в них свое отражение.

Резкие, правильные черты лица, холодное, отстраненное благородство... Неужели это и есть старость? Разве тридцатилетний мужчина не должен так выглядеть? Если в тридцать тебя уже записывают в старики, то этот мир слишком жесток!

Цзян Лоло не выдержал, глядя на то, как меняется выражение лица Хо Цзэдуна. Он обвил

руками шею мужчины и, склонив голову набок, протянул капризным, певучим голоском:

— Дядюшка Хо... Ну чего же ты молчишь?..

Лицо Хо Цзэдун неувовимо изменилось, а рука, обнимавшая тонкую талию, медленно сжалась.

Маленький омега, совершенно не чувствуя опасности, продолжал напрашиваться на неприятности:

— Дядюшка Хо... Почему ты игнорируешь меня?

Хо Цзэдун лишь молча смотрел на него из-под полуопущенных век. В глубине его глаз вспыхивали обжигающие искры, а на губах застыла странная, пугающая полуулыбка.

Лоло, захлебываясь от смеха, продолжал обнимать его за шею, то и дело выдыхая: «Дядюшка Хо...» Однако веселье его длилось недолго. Стоило ему встретиться взглядом с мужем, как смех мгновенно оборвался.

Омега запаниковал и попытался поспешно выбраться из его объятий, но сильная рука на талии держала его крепко, словно железный обруч.

Цзян Лоло тут же притих и, послушно опершись ладонями о плечи мужчины, кротко позвал:

— Муженёк...

Он искренне не понимал: ведь когда тот парень назвал его мужа «дядей», Хо Цзэдун был в бешенстве. Его лицо буквально почернело от злости. Почему же сейчас, когда он сам повторил это слово, альфа больше не сердится?

Хо Цзэдун перехватил его подбородок, медленно проведя большим пальцем по влажным губам. Его голос звучал опасно низко:

— Малыш, почему ты замолчал? Продолжай.

Маленькие ладони на его плечах нервно сжались. Омега неловко поежился, пытаясь немного отстраниться. Глядя на мужа широко распахнутыми глазами, он робко спросил:

— Тебе разве не нравится, когда тебя называют дядей?

Хо Цзэдун тихо рассмеялся, словно забавляясь его наивностью.

— Глупыш... Разве может быть одно и то же — когда меня так называет кто-то чужой и когда это делаешь ты?

Он мягко притянул омегу за затылок к себе и прошептал что-то прямо ему на ухо.

Цзян Лоло мгновенно вспыхнул. Краска залила всё его лицо до самых кончиков ушей.

Дыхание мужчины на мгновение замерло на его коже, а в следующую секунду он жадно накрыл губы омеги своими.

Оставляя за собой клубы дорожной пыли, черный «Майбах» плавно затормозил во дворе виллы. В ночном воздухе отчетливо слышался стрекот цикад. Ночь была безмолвной; в небе висела полная луна, окруженная россыпью далеких, едва заметных звезд.

Лунный свет мягко падал на кузов автомобиля. Стоило двери открыться, как в ночной прохладе разлился нежный аромат фрезии. На землю ступила туфля из темно-коричневой кожи, а следом показались длинные, атлетичные ноги.

Хо Цзэдун вышел из машины, бережно прижимая к груди омегу, укутанного в его пиджак. Он уверенно зашагал по гравийной дорожке к дому.

Лоло, которого несли на руках, покраснел еще гуще. Он высунул голову из-под пиджака, украдкой наблюдая за выражением лица мужа. В его душе росло недоумение.

В последнее время Хо Цзэдун вел себя очень странно. Ему ведь всего тридцать — не тот возраст, когда силы начинают оставлять мужчину, верно? К тому же Лоло прекрасно чувствовал: сердце альфы вовсе не было спокойным.

«Он боится, что у меня снова заболит живот? — размышлял Лоло. — Неужели мои прошлые жалобы так сильно на него повлияли? Он жалеет меня?»

Но ведь сейчас ему было гораздо лучше, боли почти прошли! Неужели нужно показать это как-то более явно?

Маленький омега захлопал ресницами, вспоминая вещи, спрятанные в его гардеробной. В голове начал созревать дерзкий план.

Когда Хо Цзэдун опустил его на диван в спальне и нежно поцеловал в лоб, его голос всё еще был хриплым:

— Малыш, побудь пока здесь, ладно? Муженёк сначала примет душ.

Цзян Лоло послушно кивнул. Это было ему только на руку — у него тоже были дела.

Дождавшись, пока за Хо Цзэдунем закроется дверь ванной, Лоло вскочил с дивана и на цыпочках бросился в гардеробную. Он открыл шкаф и вытащил одежду, которую запрятал в самый дальний угол.

Тонкие белые пальцы быстро разорвали упаковку. Лоло придирчиво перебирал наряды один за другим, пока наконец не остановился на японской школьной форме — комплекте ЖК, который выглядел наиболее закрытым.

Белая рубашка с клетчатым галстуком, а поверх — короткий двубортный жакет песочного цвета. Пуговицы и эмблемы были отлиты из старой бронзы, а приталенный крой подчеркивал изящество фигуры. Подол рубашки он заправил в короткую черную плиссированную юбку. Жакет был настолько коротким, что талия казалась совсем крошечной.

Стройные ноги обтянули черные капроновые чулки. Лоло встал на цыпочки перед зеркалом — его длинные и прямые ноги в этом наряде притягивали взгляд.

В довершение образа он надел черный парик с длинными волосами и ровной челкой — прической в стиле «химэ». В зеркале отразилось нежное, хрупкое лицо с белоснежной кожей и ярко-красными губами. Глядя на себя, он видел беззащитную и чистую девушку.

Выйдя из гардеробной под шум воды в ванной, Цзян Лоло присел на край кровати. Он протянул руку и выключил верхний свет в спальне.

Хо Цзэдун услышал движение и из-за двери донесся его знакомый голос:

— Что случилось, малыш?

Лоло нежно ответил:

— Ничего. Просто свет слишком яркий, глазам больно.

Конечно, дело было не в свете. Ему просто было ужасно неловко. Слабый свет ночника был тусклым — возможно, так Хо Цзэдун не заметит, как сильно пылают его щеки.

В ванной комнате клубился густой пар. Хо Цзэдун отбросил мокрые волосы назад, открывая

лоб. Маленький омега снаружи притих — должно быть, ждет его.

Быстро смыв пену, Хо Цзэдун обернулся полотенцем и толкнул дверь. После ослепительного сияния в ванной свет в спальне показался ему совсем слабым. Глаза не сразу привыкли к полумраку, и на мгновение перед ним расплылось белое пятно.

Хо Цзэдун замер, инстинктивно ища взглядом свое сокровище.

Там, в теплом круге света от ночника, на краю кровати сидела юная девушка.

Хо Цзэдун нахмурился, уже собираясь резко приказать посторонней выйти, как «девушка» подняла голову и нежно позвала:

— Муженёк...

Шаг Хо Цзэдуна оборвался. Он замер, во все глаза глядя на того, кто сидел перед ним.

«Девушка» смотрела на него снизу вверх, и в её взгляде дрожали крохотные искорки. Густая челка, касающаяся ресниц, делала его миндалевидные глаза еще больше и ярче. Нежные губы, похожие на лепестки роз, были чуть приоткрыты.

На его сокровище была школьная форма. И без того юное лицо в этом наряде казалось воплощением невинности. Верхняя пуговица рубашки была расстегнута, обнажая полоску белой кожи.

Он сидел на краю кровати, плотно сжав колени, напоминая прекрасную русалочку, которая только что обрела человеческие ноги.

Смесь невинности и искушения. Прекрасный и беззащитный. Его красота захватывала дух, но в то же время вызывала щемящее чувство — он казался слишком хрупким, неспособным защитить себя в этом мире.

Кадык Хо Цзэдуна судорожно дернулся.

— Малыш?

«Девушка», казалось, не смела смотреть на него — взгляд её метался, выдавая волнение.

Хо Цзэдун невольно сделал шаг вперед. С каждым движением он чувствовал, как его сердце начинает биться всё быстрее. Тысячи мыслей вихрем пронеслись в голове, подстрекая отбросить остатки рассудка.

Но разум отчаянно сопротивлялся, предупреждая: не делай глупостей.

«В нем зародилась жизнь. Он сейчас слишком слаб. Ты должен оберегать его».

Аромат фрезии в воздухе становился всё гуще, в нем проступала та самая знакомая, дурманящая сладость. Перед Лоло выросла высокая фигура; агрессивные феромоны альфы начали заполнять пространство.

Маленький омега густо покраснел и поднял голову:

— Муженёк...

— Угу, — выдохнул Хо Цзэдун.

Никто не видел, как сильно он сжал кулаки, сдерживая себя — на тыльной стороне ладоней отчетливо проступили вены.

Цзян Лоло медленно моргнул. Его длинные загнутые ресницы дрожали, словно крылья бабочки. Он спросил тихим, певучим голосом:

— Муженёк, а твой малыш красивый?

Хо Цзэдун не сводил с него потемневшего взгляда. Его зрачки, глубокие и черные, мерцали мрачным блеском.

— Красивый, — хрипло отозвался он.

Он был так красив, что это буквально сводило с ума.

Но омега не понимал этого. Он даже расстроился: почему муж так спокоен? Может быть, Хо Цзэдуну не нравится этот наряд?

Сидя в этой одежде, Лоло вдруг захотелось отступить и спрятаться. Но раз уж он решился...

Омега закусил губу и, набравшись храбрости, снова нежно позвал:

— Муженёк...